Микула-шут

Микула-шут поехал на пашню. Пашет Микула-шут пашню; едет священник доро́гой; увидал, что Микула-шут пашет. — «Бог помочь тебе!» — «Добро жаловать!» — «Как же ты, Микула-шут, сроду не пахал, а теперь выехал пахать?» — А Микула-шут на то сказал: «Добрые люди поехали сеять, и на меня добрый ум напахну́л, и я поехал пахать; напашу, буду сеять». — «Так вот что, Микула-шут, загни-ка мне зипунчик, — говорит: — у меня зипуна нету: дождь пойдёт, а зипуна нет!»

Микула сказал, что «я бало (на котором полозья гнут) забыл дома; ты попаши наместо меня, а я съезжу на твоей лошадке; да я и пешком могу сходить: пущай лошадь твоя здеся походит!.. Вот что, батько, ты одежду-ту сними: я твою одежду надену, а ты мою, а то поедут мужики, скажут, что поп пашет; неловко!» — говорит. Священник лопошь худую надел, а с себя хорошую одежду отдал.

Приходит Микула-шут к матке и говорит: «Матка, давай тысячу рублей денег! Затем священник отдал мне свою одежду, что мы дом скупили хороший». — Матка говорит, что «тысячи рублей у нас нету; 9 сот есть, а одной сотни нету». — «Он велел у дьякона занять сотню». — Матка живо побежала к дьякону, сотню рублей заняла и подала ему денег тысячу рублей. Он пал в лес и лежит, нейдёт к попу, а одежду поповскую оставил дома.

Поп, видно, пахал, пахал; «Что он, с...н сын, долго? Чтобы он там матку не обманул? Надо ехать мне домой!» — Приезжает священник домой и говорит: «Матка, ты Микулу-шута не видала?» — «Что ты, батько? — говорит, — я отдала ему тысячу рублей денег! Вы дом «скупили», — говорит. — Он обратился на поле, священник, Микулу-шута искать.

Микула-шут надел на себя сарафан, подвязался по-девичьи и пашет. Подъезжает он (поп) к девице и здоровается: «Здравствуешь, Микулишна!» — «Здравствуешь, батько!» — говорит. — «Я, — говорит,— поехал твоёва брата искать!» — «А я, — говорит, — принесла ему хлеба, да лошадь даром стоит, а его нет!» — Поп и говорит: «Микулишна, ты лошадь брось тута! он придет, так вспашет, а ты иди ко мне: хоть деньги-те эти немножко заживи!»

Микулишна сказала: «Я, батько, рада месту: я с голоду пропала — с им живу!.. Так нужно, батько, лошадь выпрякчи: кто его знает, скоро не скоро он приедет? Пущай лошадь хоть ест, ходит!» — Привозит Микулишну домой, сказал попадье, что «не нашел Микулу самого, а вот привёз его сестру: пущай хоть поживёт, деньги у нас заживёт которые!»

Он (Микула) жил долго, сознакомился — у попа было три дочери, — потихоньку наладил им... То поп говорит матке: «Что-то у нас, матка, дочери сыты стали шибко! Не Микула ли сам живёт это у нас?» — Попадья говорит: «Как мы его узнаем?» — «Истопить нужно баню». — Посылал своих дочерей с нею в баню, с Микулишной. Дочери приходят. — «Не Микула ли есть?» — «Что вы думаете? Что мы девки, то и она девка!» — Поп ответил: «Ступай, матка, с ней сама! Лучше узнаешь». — Во второй раз он нейдет: «У меня, — говорит, — голова заболела, я и так угорела!» — «На будущий день истопим баню, — говорит, — пойдешь?» — «Пойду»...

Тогда купечество наслышались, что у попа девки этаки сыты, хороши, приехали сватать поповских дочерей. Всех трёх девиц подводили, а купцы сказали: «Не возьмём никотору». — А поп сказал: «Есть у меня девушка хорошая, чистенькая, Микулишна...» — «Веди Микулишну!» — Микулишна приходит... Согласились купцы взять ее. Батько тем же разом повенчал; купцы повезли ее домой.

Привезли ее домой, посадили; посидели, потом дружки повели ее на подклеть (в спальну). Лёг Микула-шут с женихом и говорит: «Ох, жених, у меня брюхо заболело». — Микула-шут ущупал у жениха в кармане бумажник: «Это, — говорит, — что у тебя?» — «Деньги». — Микулишна отвечает: «Дай-ка мне, — говорит, — сто рублей, не отвалит ли у меня от сердца?» — Жених вынимает деньги, сто рублей, отдает Микулишне. — «Милый мой женишок, от сердца отваливает! Нет ли ещё?.. От сердца меня отвалило хорошо, дак на... меня манить, а терпеть я не могу!» — ...близко нету; а жених говорит, что «везде заперто». — Микулишна ответила: «Окно отворяется; ты меня на холсту спусти, я..., ты меня опять и затянешь!» — Только Микула спустился, — тут лежит козёл. Он привязал его за рога и говорит, что «я готова, тащи меня!» — Жених притащил козла. «Что такое? Обвернулась моя невеста козлухой! Вот беда! Куды же теперь я?» — А Микула был таков (ушел).

Жених на кровать, и козёл прыгнул также к нему на кровать. Жених начал бегать по избе, козёл спрыгнул с кровати, бегает также по избе, бегает и ревёт. То он закричал нещадно своих дружек. Дружки приходят: «Что тут

сделалось?» — «Вот у меня невеста обвернулась козлухой». — Невесту лупили дружки нещадно; только с козлухи шерсть летит, как они понюжают: «Оввернёшься!» — До того стегали — козлуху убили. Купец приказал ее вывезти на назём, зарыть.

Поутру Микула-шут приходит к попу сам. (Срядился в мужицкую одежду.) Микула-шут с попом поздоровался, а поп и сделался рад, что Микула пришел к нему. — «Ну, как, Микула-шут? — тысячу рублей ты у матки взял, отдай мне деньги!» — Микула-шут на то сказал: «Я слыхал, будто ты сестру отдал за купеческого сына; съездим, жениха посмотрим, потом я тебе деньги отдам!» — Запрягли лошадь, приезжают к купцу. Попа встретили, посадили за стол, начали потчевать. — «Потчеванье мне, — сказал Микула, — не нужно! Покажите жениха и невесту!» — Купец объясняет брату Микуле, что «что-то молоды нездоровы». — «Я не хочу слушать; все-таки прийти не на долгое время можно!»

Священнику сказали они, что «невеста оввернулась козлухой , мы ее убили». — Наконец и ему сказали. — «Богатые купцы людей бьют!.. Тебе, поп, не отдам деньги, а на их просьбу напишу, что мою сестру убили!» — Купец сказал: «Микула-шут, возьми с меня двести рублей, только просьбу не пиши! Её уж не воротишь!» — (Вот он какой зипуном загибает!) Поп сказал: «И я с тебя не возьму тысячу рублей: не калякай нигде!» Микула-шут на это был согластен получил с купца еще двести рублей, потом отправился домой.

Приходит домой; пошел в поле, разыскал свою лошадь, убил и задрал её (кожу с неё слупил): нечего работать на ней. Потом он пошел, потащил свою кожу на ярманку продавать. Дело к ночи. Идёт башкирец на ярманку и говорит: «Микулка, возьми меня на ярманку: моя *фатера* нету!» — Заходят они в такой пустой дом: никого в дому нету. Башкирец лёг на печь, а Микула-шут лёг на полати, а кожу бросил середь полу. Купец приезжает и говорит: «Ах, что-то душечки долго нету!» — Вдруг к нему купчиха является. Купец сказал: у нас с тобой всяко, душечка, бывало: ... Башкирец говорит: «Микулка, у тебя собака кожу кончает!» Микула-шут громко скричал: «Цыма!.. отсюда!» — Купец испугался и купчиха; выбежали оба нагие, сели в карету и уехали; а одежду оставили тут.

Поутру (Микула) башкирца проводил на базар, а сам надел купеческую одежду и пошел на рынок, и кожу понёс. Идёт мимо купеческого дому; купец высылает лакея: «Поди, — говорит, — спроси, лакей, — одежда моя на нем, — где он взял?» — Лакею ответил Микула-шут: «Я взял эту одежду в

трактире». — Купец дал ему сто рублей денег: «Пущай он эту одежду оставит, где взял, а сто рублей вот ему награды!» — То он эту одежду сбросил, надел барышнину одежду. В барышниной одежде идёт. Барыня увидала, что в одежде в её идёт, высылала лакейку. Лакейка подходит и говорит: «Умница, где ты эту одежду взяла?» — «В трактире». — Барыня подаёт ей сто рублей денег: «Подай ей: где она взяла, пущай там и оставит, пущай ни с кем не толкует больше!»

Составилось у него денег 1600 рублей; потом он свою кожу продал за рупь. Приходит в свое селенье домой. Собрался сход, советуют об хороших делах. Он приходит на сходку. — «Об чём больше советуете? Также я с вами посоветую. Вот я заколол свою лошадь, продал кожу за 1600 рублей. Не верите, сосчитайте мои деньги! Знаете, что мне денег взять негде». — То он выложил свои деньги; сосчитали, у него действительно 1600 рублей. То народ разошелся, пошли своих лошадей колоть, продавать кожи. Коней всех прикололи, по одной лошадёнке оставили (воза накололи которые богаты мужики); привозят много возов этих кож, а кожи ни по чём не берут. Кое-как рассовали эти кожи — кто по рублю, кто по два. — «Вот он что подлец и сделал! Поедемте, ребята, домой, поймаем его, убьем за это, что он нас обманул!»

То приехали домой. Он идёт по озеру. Они прибежали артелью, схватили его, завязали в рогожу. — «Ребята, пойдём, пообедаем, возьмём пешню, лопатку, сделаем прорубь, утопим его в озере!» — То-покуль они завтракали, а по озеру купец ехал, арендатор, которой держал это озеро. Купец увидел, что куча такая лежит: «Кучер, айда приворачивай к этой куче ближе!» — Купец подъехал. — «Кто тут такой?» — А он скричал: «В окунино царство меня садят царить, а я царить не умею!» — А купец говорит: «Я царить умею!» — «Развяжи меня сейчас, тебя в цари посадят!» — Купец Микулу-шута развязал, а он купца завязал; сел в повозку и сказал: «Кучер, пошел!» — То прибегают мужики, выдалбливают большую прорубь и спустили купца в окунино царство.

Мужики приходят домой, сходку собрали, советуют: где лошадей взять подешевле? — Микула-шут тут едет на тройке лошадей — лошади вороные — в повозке. Микулу-шута увидели и закричали народ его: «Остановись, Микула-шут! Посоветуй с нами!» Он подъехал к сходке. — «Мы думали, что ты, Микула-шут, потонул, а ты, видно, жить хочешь. Где ты таких лошадей взял?» — «Ох вы, чудаки эдакие! Там есть бурые и каурые и каких надо: табуны ходят целые! Я только скричал, подбежали ко мне тройка лошадей,

я вот запрёг и езжу». — «Микула-шут, нельзя ли как нам?» — «Айдате, проруби долбите всяк себе пошире, чтобы провести коней побольше!» — То они надолбили проруби широкие. Скричал Микула-шут: «Кричите, кому каких надо, такие и подбегут — кому бурых, кому каурых!» — Сколько ли было в селенье мужиков, все враз пали. Тогда сказал кучеру: «Пошел!» Поехали вперёд. Проехали версты три; когда он сказал кучеру: «Кучер, стой! Теперь я пойду пешком! Коней мне не надо!». (Сам вон настряпал что!)

Жёны их сказали: «Что-то наших мужьёв долго нет!.. Да ведь еще подерутся там об конях-то: получше заглянется: зависные!» — говорит. — У которого пузырь лопнет, тот и выплывет назад. Бабы подбегут: «Мой кончался!» — Так и не могли ни одного живого выплыть назад; и коней нет — все кончились.

То бабы и́хи сказали: «Мы его, подлеца, поймаем, мы его вальками убьём!» — Увидали Микулу-шута, побежали его ловить; поймали его в лесу, привязали его к берёзе, а бить им нечем. Пошли они домой за вальками. Только ушли от него домой, а из другого селения идёт молодец мимо него. — «Что ты, дядюшка, привязан?» — «В этом селеньи невест много, а женихов нет; хочут меня женить, а мне не хочется жениться!» — Молодец был холостой, ему жениться надо. — «Ах бы мне жениться!» — «Давай, тебе сейчас невест много наведут, только выбирай! Давай отвязывай меня!» — Молодец его отвязал. Микула живо его привязал крепко, чтобы молодец не мог отвязаться. Сам отправился в путь от него. А бабы прибежали, притащили — кто валёк, кто стяжок; давай его жарить, а он кричит: «Вы меня жените!» — «Мы тебя, подлеца, женим!» — Молодца этого убили, натащили досок, гроб ему сколотили, а в землю не зарыли: «Будем. . . . . .» — говорит.

Потом он молодца из гробу вытащил, сам лёг, пробил дыру и взял себе жигало . . . . .Тогда она испугалась, бежать от гробу. Не стали к нему ходить уж: он их всех перепугал. Потом он идёт по селенью — они его скричали к себе добровольно; сказали ему: «Микула-шут, ходи к нам...» . . . . . .

. . . . . .

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "Шут".